

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ № ...

(Воспоминания узника Асинлага)

Я один из тех, кому выпали на долю издевательства в тюрьмах, в лагере смерти «Асинловский» и кто чудом остался жив. В Асинлаге, где люди работали на погрузке, распиловке, штабелевке леса, больше двух лет редко кто выживал. Погибали от истощения, непосильного труда. Подтверждением этого факта может служить следующее: из нашего эстапа в 500 человек, пригнанных из томских тюрем, в живых остались только 13 человек, которые были вывезены из лагеря без надежды на жизнь.

Приподнятое и праздничное настроение царило на выпускном вечере в Черкасском ветеринарном техникуме. Вечер был в разгаре, когда мы, юные граждане нашей страны, в основном комсомольцы, летом 1935 года славили свою Родину — великий Советский Союз и наряду с этим прозвучали громкие слова, прославляющие «великого вождя Сталина».

Через несколько дней после выпуска мы, используя стипендию, снова собрались в техникуме, чтобы затем разъехаться по своим местам назначения.

Я зашел в Черкасский горком комсомола, так как я был комсоргом курса, и при разговоре упомянул, что получил назначение на Дальний Восток. Ребята из ГК комсомола мне посоветовали, когда я буду в Москве и Хабаровске, попроситься в турд Комсомольск-на-Амуре. И одновременно они написали путевку-рекомендацию в город юности.

Итак, мы едем на Дальний Восток, нас пять человек. В Хабаровске, в отделе кадров краевого земельного отдела, когда я сказал, что хотел бы работать в Комсомольске, меня с удовольствием подхватили как специалисту пришлось очень много, кроме того, выполнял комсомольские поручения.

В эти годы уже начали крутиться и давить жернова репрессий и произвола. Начались судебные процессы над людьми. Помню, как 5 июля 1937 года, когда мы собрались на окраине города по случаю 5-летия Комсомольска-на-Амуре, нам объявили, что легендарный В. К. Блюхер, один из основателей города, на праздник не придёт, так как уехал в Москву судить «военных заговорщиков». На второй день из газет и по радио мы узнали имена этих «заговорщиков» — Тухачевский, Якир, Примаков, Эйдеман, Уборевич, Корк, Пунта, Фельдман. Это был удар, как ножом в сердце.

Тем же летом 1937 года, идя утром на работу, на одном из домов я увидел новую табличку с отгравированным названием улицы — «улица имени Яна Гамарника». И сразу мне вспомнилось, что несколько дней назад в горкоме ВЛКСМ этот симпатичный бородатый человек с приятным лицом встречался с комсомольскими активистами и призывал не жалея сил работать над укреплением нашей Родины. Когда я прошел дальше и немного свернул от основной улицы, я увидел, что еще весной здесь был лес, сейчас его вырубил и на этом месте строят новый дом. Из любопытства я подошел к рабочим-строителям и спросил: «Что за дом вы, товарищи, строите?». Несколько человек из них криво, сехидный ответ, как потом оказалось, был пророческим. Как я потом узнал, это строился тюрьма. Не далее, чем через четыре с небольшим года, я хорошо и досконально узнал, что за штука тюрьма и лагерь смерти. А в тот день на работе я прочитал газету, в которой на последней странице было написано: «Запутавшись в своей связи с врагами народа, покончил с жизнью Ян Гамарник».

В то-страшное время, когда жизнь каждого человека зависела от того, как решат с ним «органы», каждый из нас ходил под страхом, что тебя если не на работе, то ночью заберут.

Наступил 1941 год. Я — студент выпускного курса Киевского ветеринарного института (ныне Украинская сельскохозяйственная академия). Февраль 1941 года. Дверь узкой и темной камеры, где можно было только стоять, за мной громко захлопнулась заскрипел ключ, и я оказался один на один с камерой. В этот момент, когда я обидел кого-то из своих товарищей в то время, когда работал комсоргом, затем старостой во время занятий в институте? А может быть, сказал что-то нехорошее, когда выступал перед избирателями в качестве доверенного лица кандидата в депутаты Киевского городского Совета профессора Пономаренко?».

Эти вопросы сверлили мне мозг и сердце. Находясь в полудобром состоянии, я и чувствовал, что задыхаюсь от резкого запаха и кашля. Наклонившись, я увидел в углу кучу извести, от которой исходил резкий запах хлора. Я начал стучать в дверь и громко кричать. Услышал, что кто-то подошел к камере и сказал: «Что бушуешь? Это тебе не в санатории». Я продол-

жал кричать и стучать, пока меня не перевели в другую камеру такого же размера, но без запаха хлора.

Я простоял на ногах с час, вдруг дверь моей душегубки открылась. В дверях стоял упитанный верзила, с ним еще один, и оба в форме НКВД. Они объяснили мне, что меня вызывают на допрос.

Мы прошли через внутренний двор тюрьмы, затем на лифте поднялись на 4-й этаж. Часовой ввел меня в большую ярко освещенную комнату, где за столом сидел человек в военной форме. Он приказал мне сесть на табурет и положить руки на колени. Записал все мои биографические данные и то, что я только перенес туберкулез и где мои родители.

Затем начал задавать мне вопросы. Сколько нас человек в антисоветской террористической организации? Где хранятся наши взрывчатые вещества и сружне? Когда меня призначили своим вожаком другие террористы? Как мы были намерены совершить террористический акт на Байковом кладбище еще два года назад в день похорон выдающегося украинского актера Саксаганского? Я объяснил, что из молодежи и студентов мало кого знаю в Киеве, так как до этого учился в другом институте в г. Троицке. Я доказал ему, что не знаю, где находится это кладбище, и что все это несусветная чушь, и выдумка, и бред ненормального человека. Он начал на меня наступать, я понял, что мне надо за себя стоять. Я объяснил, что не понимаю, чего от меня хотят.

Следовательно куда-то позвонил, и вскоре в комнату вбежал более высокий начальник с двумя шпалами. Этот начал разговор со мной с оскорблений, принуждая сознаться во всем. Помучив меня часа два, ничего не добившись, он вывел меня из камеры с крысами.

После этого отправили в камеру. Она оказалась сырой, холодной и грязной. Под потолком свисала небольшая электрическая лампочка. Навстречу мне поднялся средних лет человек. Он рассказал о себе, что он поляк, перешел советско-польскую границу, шел к нам с добрыми намерениями. Но на границе его задержали и препроводили в Киев во внутреннюю тюрьму НКВД, побещав, что если он не шпион, то получит около года. На том наш разговор с моим соседом по камере и закончился. Лежа на железной тюремной койке, я до утра не сомкнул глаз. Передо мной проходила ужасная церемония моего ареста.

(Продолжение следует).